

• •

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2988>]

[:]

. . 2010:

//

:

100-

:

/ . .

(. .). . II.

, 81-83.

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

« »
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Римское жречество в период формирования городской общины

Как видно из источников, в Риме исторического периода существовала весьма разветвленная система специализированных жречеств, ответственных за различные аспекты общения с богами и воплощавших различные виды человеческой деятельности¹. Несомненно, подобная картина фиксирует уже довольно поздний этап развития института священнослужителей. На древнейших же стадиях этого процесса дело обстояло намного проще. Судя по всему, изначально основные религиозные обряды у жителей центральной Италии отправлялись всеми членами общины или, по крайней мере, всем мужским населением. В первые же века I тыс. до н.э., т.е. на этапе складывания на земле Лация территориальных общин², в рамках последних начинается формирование сакральных сообществ – переходной формы на пути к организованному жречеству. В это же время, по данным археологии, у народов Центральной Италии появляются также зачатки привилегированных групп воинов и ремесленников³.

Организация упомянутых сакральных сообществ, судя по всему, была крайне простой и включала в себя два основных элемента – молодых воинов и старейшин. Первые при этом представляли собой инициационные братства, ведущие ритуальную жизнь «в дикости» и одновременно охраняющие границы общины от вредоносных воздействий извне. Проводя время во внешнем мире и выполняя роль «диких» воинов и охотников, члены упомянутых братств наделялись и определенными сверхъестественными чертами – способностью принимать звериный облик, приходить в экстатические состояния, повышать плодovitость и т.д.

Раз в год – в конце зимы или начале весны – инициационные сообщества принимали участие в различных состязаниях, выполняющих довольно широкий спектр функций (изначально это был ритуальный бег, позднее – священные танцы). Во-первых, они были призваны продемонстрировать общине силу и ловкость ее молодых членов. Далее, они вводили юношей в круг воинов и в состав сакрального сообщества. Наконец, инициационные ритуалы наделялись и дополнительным люстрационным значением, а также, возможно, являлись частью очень характерных для архаических народов полудраматических действий, призванных воскресить деяния мифических первопредков, основателей и хранителей общины.

Организация подобных ритуалов, несомненно, находилась в руках упомянутых выше старейшин. На протяжении инициационного периода они, возможно, осуществляли обучение молодежи техникам боя, охоты, общения со сверхъестественными силами, а непосредственно во время упомянутых обрядов приносили жертвы и руководили состязаниями. Одновременно старшие члены сакральных сообществ выступали и в качестве хранителей священных знаний, передававшихся изустно. Прежде всего, имеется в виду определенный набор мифов и легенд, а также правила общения с миром сверхъестественного, древнейшие юридические нормы, определенные практические навыки и т.д.

В центре культа рассматриваемых сообществ стояли боги внешнего мира, одновременно игравшие роль первопредков и хранителей человеческой общины. Подобные божества, как известно, отличались зооморфным или полузооморфным обликом, что хорошо заметно на примере козлоногого Фавна луперков или Марса салиев, тесно связанного с образами многих священных животных и нередко называемого богом охоты и диких зверей⁴.

Люстрационные ритуалы, посвященные божествам подобного характера, уже в древнейший период существования сакральных сообществ, думается, были направлены на решение весьма широкого круга задач – очищение и повышение плодородия и плодovitости не только

¹ *Sabatucci D.* Religione romana // *Storia delle religioni* III. Torino, 1971. P. 31f.; *idem.* Il mito di Acca Larentia // *SMSR*. 29. 1958. P. 71; *idem.* La religione di Roma antica dal calendario festivo all'ordine cosmico. Milano, 1988. P. 176; *Bayet J.* La religion romaine: histoire politique et psychologique. Paris, 1969. P. 77-88; *Paladino I.* Fratres Arvales. Storia di un collegio sacerdotale Romano. Roma, 1983. P. 26, 267; *Linke B.* Von der Verwandtschaft zum Staat. Stuttgart, 1995. S. 66; *Porte D.* Les donneurs de sacré. La prêtre à Rome. Paris, 1989. P. 97.

² *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 57; *Smith C.* Early Rome and Latium. Economy and Society c. 1000 to 500 B.C. Oxford, 1996. P. 123.

³ *Smith C.J.* Op. cit. P. 41; 110.

⁴ *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 114; *Gjerstad E.* Early Rome. IV: Synthesis of archaeological evidence. Lund, 1966. P. 255.

скота, но и земель, а также всего населения общины. Кроме того, в связи с возникновением «организованной» воинской функции люстрации начинает подвергаться также общинное войско и его оружие. Определенная часть этих обрядов была окружена завесой таинственности и недоступна для непосвященных (прежде всего – женщин и детей), совершались они в закрытых местах (пещеры, рощи), имена почитаемых божеств-покровителей сообщества сохранялись в тайне, а священные гимны *sodalitates*, возможно, исполнялись на особом языке, понятном только посвященным.

Кроме того, помимо почитания собственных божеств-покровителей сакральные сообщества сосредотачивают в своих руках отправление культа практически всех общинных божеств. Таким образом, рассматриваемые организации берут под свой контроль практически всю сакральную и социальную жизнь предгородских общин Центральной Италии. Впрочем, дальнейшее усложнение этой жизни довольно быстро приводит к углублению специализации функций и внутренней дифференциации мужских культовых сообществ. Начинается это – по крайней мере, на территории будущего Рима – уже в процессе синойклизма и перехода к единой городской общине, на этапе, который в античной традиции именовался эпохой Ромула.

Постепенно происходит разделение собственно сакральных и социальных функций рассматриваемых сообществ. В первую очередь, этот процесс затронул существовавшие внутри упомянутых организаций юношеские группы. Частично они превращаются в воинские отряды типа целеров или *iuniores* в составе позднейшего римского *classis*, а частично – либо образуют преимущественно юношеские сакральные организации, либо сохраняются в качестве младших членов жреческих сообществ, постепенно опускаясь до роли помощников в священнодействиях и теряя многие из своих сакральных черт. В частности, с развитием римского общества постепенно стирается инициационный аспект ритуалов юношеских групп, а сами они утрачивают многие связанные с этим «сверхъестественные способности».

Группы же *seniores* внутри рассматриваемых нами сообществ также претерпевают весьма значительные изменения. Основной процесс здесь – постепенное выделение этих групп в отдельные жречества. В результате подобного выделения, по нашему мнению, возникли прежде всего жреческие сообщества фециалов и арвальских братьев в том виде, который нам известен из источников. Молодые люди, если и участвовали в их обрядах, то уже только в качестве «вспомогательного персонала», а не полноправных членов *sodalitas*. В то же время, вышеупомянутые жречества, очевидно, сохранили и немало своих изначальных черт – как в атрибутах и ритуалах, так и в организации. В частности, вплоть до позднейших периодов они по сути дела не имели фиксированной численности⁵ и постоянного главы, в отличие от более упорядоченных жреческих коллегий типа понтификов, авгуров или весталок.

Возможно, рассматриваемый процесс привел к появлению и еще некоторых сакральных институтов. Так, из среды старших членов древнейших мужских сообществ, по нашему мнению, вышло немало фламинов и авгуров, а сами группы *seniores* по сути дела стали переходным звеном на пути от неупорядоченного отправления жертвоприношений и гаданий внутри родовых коллективов к государственному фламинату и авгурату. Представители этих жреческих институтов и в позднейшие периоды сохраняли определенную связь с сообществами луперков и салиев, в значительной степени состоявшими из молодых людей. Подобная связь, кстати, прослеживается и в деятельности понтификов. Вполне возможно, что и эта коллегия изначально была образована из старших представителей более архаических сакральных сообществ типа салиев, которые также являлись хранителями определенной суммы сакральных и положительных знаний.

Вышеописанное выделение *seniores* в отдельные организации, думается, было основано прежде всего на расширении и постепенном разделении сакральных функций рассматриваемых нами сообществ. Так, новообразованные жречества носили уже намного более специализированный характер. Фламины сосредоточились на отпадении культа отдельных божеств и жертвоприношениях, авгуры – на гаданиях, фециалы – на контроле за «международными» сакрально-юридическими нормами и т.д. Произошло определенное разделение полномочий и между основными типичными жреческими сообществами, ответственными теперь прежде всего за осуществление люстрационных обрядов и празднеств. Ритуалы луперков при этом стали

⁵ О фециалах см.: Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. М., 2001. С. 175; об арвальских братьях – *Wissowa G. Arvales fratres // RE. Stuttgart, 1896. Reihe 1. Bd. 2. Hbhd. 4. Sp. 1468.*

рассматриваться как направленные в первую очередь на очищение и повышение плодородия скота, священнодействия арвальских братьев таким же образом были связаны с полями и плодами земледелия, а в культе салиев на первый план вышли сакрально-воинские функции, в частности, люстрация войска и его оружия.

Все перечисленные процессы, по нашему мнению, проходили в эпоху становления единой римской городской общины и формирования раннегосударственных институтов, в том числе и в сакральной сфере (VIII-VI вв. до н.э.). В античной традиции это нашло свое выражение в рассказах о деятельности первых царей – Ромула (учреждение отряда целеров, возникновение сообщества арвальских братьев) и особенно Нумы Помпилия («сакральная реформа» – появление общегородских организаций понтификов, авгуров, фламинов, салиев, фециалов).

А.Е. Барышников
(г. Калуга, Россия)

Латинские эпитафии Эборака: человек и восприятие смерти

Смерть – это естественное и неизбежное окончание жизни, важнейшее событие, с которым сталкивается каждый человек. Она не знает исторических границ и пределов различных цивилизаций, она, в силу своей биологической предопределенности, есть всегда и везде. Однако каждая культура и эпоха по-своему осмысливает смерть и возникающие в связи с ней вопросы.

Количество исследований, посвященных смерти в Древнем Риме и в провинциях, за последние десятилетия значительно увеличилось. Смерть изучают с самых разных сторон: исследуются некрополи римских поселений и систематизируются полученные данные, на этой основе создаются типологии надгробных монументов и самих захоронений¹. Особое внимание уделяется погребальным ритуалам, обрядам, связанным с оплакиванием и поминовением умерших²; важное место занимают историко-демографические работы о смерти и смертности в различных частях *Rex Romana*³. Таким образом, изучение смерти (т.н. «mortuary studies» в англоязычной историографии), несмотря на большую пестроту методологических подходов, стало важным самостоятельным направлением в антиковедении⁴.

Мы обратимся к одному из аспектов темы, который еще недостаточно освещен в специальных работах по римской истории. Речь пойдет о восприятии человеком смерти – одной из важных характеристик любой культуры. Как человек понимал и ощущал неизбежность своей смерти? Как относился к смерти близких? Это вопросы, ответы на которые позволят нам составить более полное представление о содержании погребальных обрядов, о культе умерших, о взглядах на загробный мир⁵. Но не только: ведь жизнь и смерть тесно связаны, поэтому в отношении к смерти проявляется понимание жизни: мировоззрение, мораль и система ценностей.

Восприятие смерти, отношение к ней не обойдено вниманием в античной литературе. К примеру, эта тема специально рассматривается в первой книге «Тускуланских бесед» Цицерона и в одном из «Нравственных писем к Луцилию» Сенеки (*Sen. Ep. LXX pass.*). Но эпитафии как источник информации по интересующей нас теме имеют существенное отличие. Они намного менее индивидуализированы, чаще всего отражают не взлеты мысли уникальной личности, а стандартные мыслительные формулы и стереотипные черты культуры, массовое сознание.

¹ *Carroll M. Spirits of the dead: Roman funerary commemoration in Western Europe. Oxford, 2006.* По-прежнему не утратила своего значения монография Жослин Тойнби – *Toynbee J.M.C. Death and Burial in the Roman World. London, 1971; 1996*².

² *E.g. Edwards C. Death in Ancient Rome. Yale, 2007; Erasmo M. Reading Death in Ancient Rome. Columbus, 2008.*

³ *Saller R.P. Patriarchy, property and death in the Roman family. Cambridge, 1997.*

⁴ *См.: Morris I. Death-ritual and Social Structure in Classical Antiquity. Cambridge, 1992. P. 205-257.*

⁵ *См.: Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. 1989. С. 114-115; Vovelle M. Encore la mort: un peu plus qu'une mode? // Annales. E.S.C. 1982. Vol. 37. № 2. P. 276-287.* Если использовать терминологию исторической демографии, восприятие смерти – это своеобразная «глубинная структура» сознания и культуры. *См.: Shaw B.D. Seasons of Death: aspects of mortality in imperial Rome // JRS. 1996. Vol. 86. P. 100.*